

Какому обществу стоит опасаться роботов?

К вопросу о грядущем закате «цивилизации труда»

© Давыдов Д. А.

© Davydov D.

Какому обществу стоит опасаться роботов?

К вопросу о грядущем закате «цивилизации труда»

What society should be afraid of robots?

To the question of the future decline of the “civilization of labor”

Аннотация. Показано, что рост социальной прослойки «лишних людей» не является неизбежным следствием роботизации. Сам по себе человеческий труд не становится объективно ненужным или бесполезным. «Лишним» человека делает капитализм, а не наука и технологии. Обоснован тезис о том, что для социалистического общества, нацеленного на развитие личности, сценарий обесценения человеческого труда маловероятен.

Annotation. The article criticizes the point of view according to which the growth of the social layer of “redundant people” is inevitable due to automation of production and robotization. It is shown that human labor in itself does not become objectively unnecessary or useless. Redundant people are a consequence of capitalism, and not of science and technology. The author substantiates the proposition that, for a socialist society aimed at developing the personality of each, the scenario of the depreciation of human labor is unlikely.

Ключевые слова. Автоматизация производства, безусловный доход, капитализм, «общество без работы», пост-капитализм, роботизация, социализм.

Key words. Automation of production, basic income, capitalism, “a society without work”, post-capitalism, robotization, socialism.

В последние годы все более популярны разговоры о наступлении эпохи «общества без работы». Темпы автоматизации производства и роботизации ускоряются, создается меньше рабочих мест, чем уничтожается. Тематические интернет-блоги чуть не ежедневно сообщают о достижениях науки и техники, грозящих уже вскоре лишить работы сотни тысяч людей. Вот новости только за одну (!) неделю: «Chowbotics создал робота, который готовит салаты, минимизируя риск заражения пищевой инфекцией» [16]; «60% всех бизнес-процессов будет автоматизировано к 2022 году» [27]; «В октябре Adidas начнет продажу кроссовок, сшитых роботами» [6]; «Наушники Google автоматически переводят с 40 языков» [11]; «В ближайшие годы технологии приведут к сокращению 30% сотрудников UBS» [4]; «Робота-микрохирурга

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович — младший научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН, кандидат политических наук.

впервые использовали в операции на человеке» [15]; «Роботакси снизят стоимость проезда на 80%» [32]. По некоторым прогнозам, человечество ждет не только «конец работы» (т. е. массовая безработица и прекаризация) [29], но и обесценение человеческого труда из-за появления «высокопроизводительного» искусственного интеллекта. Н. Бостром, один из идеологов трансгуманизма, предполагает, что «большинство людей будут влачить жалкое существование наподобие бездельника-рантье, которому сбережений едва хватает на жизнь впроголодь: люди будут жить очень бедно, фактически на одни проценты или государственные пособия. Но при этом они будут жить в мире технологий — не только сверхразумных машин, но и лекарств против старения и препаратов, доставляющих удовольствие; в мире виртуальной реальности и различных техник самосовершенствования» [2. С. 183].

Возникает впечатление, что рост социальной прослойки «лишних людей» — неизбежная участь человечества, развивающего науку и технику. Остается платить «лишним людям» пожизненные пособия (безусловный доход) и надеяться, что они распорядятся ими адекватно.

Цель настоящей статьи — показать, что страх перед роботизацией, признание скорейшего массового обесценения человеческого труда, а также рассмотрение в качестве единственного выхода из ситуации выплату пожизненных пособий всем без исключения (что есть легитимация утилизации «лишнего» населения) — не столько негативные последствия прогресса науки и техники, сколько недуги *современного капитализма*. Предлагающиеся сегодня методы решения этой проблемы как минимум неоднозначны. Кроме того, человечество еще очень долго будет нуждаться в труде. *Объективно существует скорее серьезный недостаток человеческого труда, нежели его избыток*. Сделать «лишних» людей вновь полезными сможет только общество, активно создающее общественные блага, а в современных социальных и технологических условиях такое общество может быть только *социалистическим*. Однако речь здесь не идет о неизбежности перехода к социализму. Скорее, стоит говорить о грядущем «цивилизационном выборе». Люди должны решить, какой источник смысла жизни для них важнее: *общественно полезный труд* (а также своеобразная «*трудовая субъектность*»), или же можно обойтись беззаботной жизнью в праздности, что реально и в рамках капитализма.

* * *

Перспектива «будущего без работы» реальна. Как отмечает А. В. Шевчук, «следствие научно-технического прогресса — стремительное повышение производительности труда, а потому — снижение потребности в рабочей силе. Все меньшее количество людей может производить все большее количество товаров и услуг. За последние 150 лет валовой продукт в развитых странах вырос более чем в десять раз, а количество отработанных часов в расчете на человека сократилось наполовину». После Второй мировой войны сложилось «общество всеобщей заня-

тости», когда безработица в развитых странах составляла всего 1–3%. А в 1990-х гг. она выросла уже до 6–8%, а в некоторых странах ЕС — и до 8–11% [26. С. 46–47].

В последние годы появляется много книг о роботизации, которая приведет к новой, небывалой волне «технологического замещения» труда [28]. Постоянно отмечается, что автоматизация производства ведет к исчезновению среднего класса. Гораздо быстрее автоматизируется рутинная умственная работа, нежели та, которая требует, казалось бы, простейших манипуляций руками: сократят скорее офисного клерка, чем дворника или мойщика окон. Это приводит к росту доли низкооплачиваемых рабочих мест. Однако и такие рабочие места (например, в фаст-фуде) являются «неустойчивыми», ибо и здесь возможна автоматизация, которая пока еще экономически нецелесообразна ввиду опять же дешевизны рабочей силы (именно поэтому в США постоянно откладывается на законодательном уровне вопрос о повышении минимальной оплаты труда).

Футуролог и основатель фирмы по разработке программного обеспечения в Кремниевой долине М. Форд отмечает: «В мае 2014 г. уровень занятости, по данным платежных ведомостей, в США наконец вернулся к своему докризисному пиковому значению, положив конец периоду масштабного восстановления экономики без создания рабочих мест, растянувшемуся на более чем шесть лет... Даже несмотря на восстановление общего числа рабочих мест... их качество значительно ухудшилось... Бесследно исчезли миллионы рабочих мест для среднего класса, тогда как большинство позиций, появившихся в процессе восстановления, относятся к разряду низкооплачиваемых. Значительная их часть — это рабочие места в сфере быстрого питания и розничной торговли, т. е. в отраслях, в которых... в наибольшей степени проявятся последствия робототехники и автоматизированных средств самообслуживания» [25. С. 371].

Речь идет о перспективах отсутствия работы для немалой части населения, которая становится «лишней». Россия не исключение. Хотя сегодня в ней безработица остается относительно невысокой, это следствие низкой производительности труда. В России за человеко-час производится товаров и услуг на 25,9 доллара, что меньше, чем в Латвии (27,6) и Польше (29,7), почти в полтора раза меньше, чем в Греции (36,2), и вдвое меньше среднего показателя стран еврозоны — 55,9 доллара [13]. Достижение общеевропейских показателей путем модернизации производств означало бы быстрый рост безработицы.

На эту тенденцию можно смотреть по-разному. Автоматизация и роботизация не только отнимают работу у людей, но и позволяют создавать больше материальных благ. В последнее время становятся популярными концепции *безусловного дохода*: предполагается, что государство должно начать выплачивать пожизненные пособия всем гражданам без исключения [7]. Взгляды на то, *каким* должен быть безусловный доход, разнятся. Наиболее популярна концепция М. Фор-

да: «...сумма... должна быть... небольшой: достаточной, чтобы свести концы с концами, но не настолько большой, чтобы можно было чувствовать себя комфортно» [25. С. 347]. Безусловный доход при таком сценарии — некий «спасательный круг», который не даст умереть безработному, но не избавит от необходимости искать новую работу. Более радикальный сценарий — «освобождающий» безусловный доход, который должен позволить вообще не работать и посвятить силы саморазвитию или какой-либо свободной деятельности. Именно эта идея вдохновляет сегодня многих «левых». Как отмечает В. С. Мартынов, «сегодня постматериальные ценности характерны лишь для части населения наиболее развитых стран, но гарантированный минимум дохода способен форсировать их распространение на все остальное человечество, параллельно разрешая проблемы сокращения бедности и голода, снижения преступности, получения доступа к образованию и медицине, повышая межличностное и институциональное доверие, расширяя горизонт жизненного выбора, увеличивая ценность каждой человеческой жизни» [9. С. 150].

Однако есть основания считать, что безусловный доход — вероятный способ *утилизации* «лишнего населения», своего рода покупка политической лояльности. Как отмечают представители «Социалистического проекта» (Торонто), «по-настоящему адекватный и перераспределительный прогрессивный безусловный доход несовместим с современной экономической системой... Баланс сил в обществе после десятилетий неолиберализма... противостоит радикальным преобразованиям, которые могли бы... изменить повестку дня. Более того, “освобождающий” безусловный доход, который устранил экономическое принуждение к труду, есть не просто сворачивание неолиберализма, но нечто гораздо большее... Это означало бы, что государство предоставляет рабочему классу неограниченный забастовочный фонд. Это подорвало бы основу капиталистического рынка труда. Это было бы социальной трансформацией, революционным сдвигом...» [31].

Но даже если и будут совершены какие-либо революционные преобразования, преодоление экономического принуждения путем раздачи денег или материальных благ — не лучший из возможных сценариев. Возникает *проблема смысла (проблема личности)*: сможет ли избавившийся от необходимости работать «лишний человек» найти занятие по душе, которое «обеспечит» его жизнь *смыслом и целью*? Не превратится ли социальная прослойка «лишних людей» в маргинальных отшельников, озлобленных и неудовлетворенных жизнью? Приемлемо ли с гуманистической точки зрения признание *естественным* разделения общества на «полезных» творческих людей и никудышных, ни на что не способных «прожигателей жизни»? Как отмечает М. Маяцкий, «бездетельность, свобода от принудительного, прежде всего физического труда, досуг — обязательное условие созерцательного, теоретического образа жизни, знания и творчества, но одновременно и ловушка, в которой поджидает сладкий меланхолический иску́с. Из тысячелетней

привилегии элит бездеятельность за один последний век стала достоянием, завоеванием и кошмаром масс. Обузывать непокорную материю оказалось куда проще, чем заниматься эфемерным и конечным собой» [18. С. 31]. *Обеспеченность безусловным доходом, таким образом, — еще не решение проблемы личности.*

Возникает проблема смысла (проблема личности): сможет ли избавившийся от необходимости работать «лишний человек» найти занятие по душе, которое «обеспечит» его жизнь смыслом и целью? Не превратится ли социальная прослойка «лишних людей» в маргинальных отшельников, озлобленных и неудовлетворенных жизнью?

Конечно, труд можно попытаться заменить *игрой*. Израильский историк Ю. Н. Харари считает, что религия, которая была источником смысла жизни для многих на протяжении тысячелетий — это тоже игра. Религиозные сообщества «выдумывают» правила (например, нельзя есть свинину, надо молиться каждый день и т. п.), а сама по себе вера напоминает игровой процесс: если вы выполняете все вымышленные правила, значит, вы заработали некоторое количество очков; если забыли сходить на богослужение — потеряли. Выигрыш — переход на следующий уровень (например, Рай после смерти). Чтобы жить ради этого, не обязательно работать. «В Израиле значительный процент ультраортодоксальных мужчин-евреев никогда не работает. Они всю жизнь проводят в чтении священных книг и в совершении религиозных обрядов. Они и их семьи не голодают отчасти потому, что их жены работают, а отчасти благодаря государственным субсидиям» [30].

Соответственно, почему бы не создавать виртуальные миры, где люди могли бы жить и играть, зарабатывать очки, соревноваться, проявлять свою индивидуальность и т. п.? Но и такой подход вызывает двойственные ощущения: не всем придется по душе виртуальный суррогат. Конечно, в виртуальных мирах самих по себе нет ничего плохого. Это большое пространство для творчества. Но это также нечто *ненастоящее, вторичное, игрушечное*. Отправить большую часть населения в «виртуальный отстойник» — все равно, что позволить своему ребенку не учиться и сутки напролет играть в видеоигры. Сам же Харари пишет: «Вам не обязательно ехать в Израиль, чтобы увидеть посттрудовой мир. Если у вас есть сын, который любит компьютерные игры, вы можете провести собственный эксперимент. Обеспечьте его небольшой субсидией в виде кока-колы и пиццы, а также уберите ваш родительский надзор.

Он не будет делать никакой домашней работы, будет пропускать уроки в школе, не будет являться на обед и вообще перестанет мыться и даже спать. Но он не будет при этом страдать от скуки или отсутствия смысла» [30]. Часть современного общества подобна такому ребенку, который жаждет, чтобы его обеспечили едой и разрешили делать все, что заблагорассудится. Но если каждый находящийся в здравом уме человек понимает, что нельзя идти на поводу у детей, ибо они должны сначала получить образование и вырасти, чтобы здраво рассуждать и принимать рациональные решения, то по отношению к обществу подобную логику применяют нечасто.

Конечно, и вынужденный труд не есть благо. Однако речь идет о лишении немалого числа людей *трудовой субъектности*, т. е. в том числе об обесценении их общественно полезного *свободного труда*. Конечно, у них остается возможность заняться самообразованием, попытаться найти себя в творчестве, писать книги, стать художниками или, например, танцорами. Но это сомнительные способы самореализации в условиях современного информационного избытка, а потому результаты деятельности «лишних людей», скорее всего, окажутся *инфомусором*. Да и в целом вчерашний «человек труда» еще не успел стать «человеком-личностью»; а потому стоит вспомнить слова Х. Арендт: «animal laborans... не тратит свое избыточное время ни на что, кроме потребления, и чем больше ему будет оставлено времени, тем ненасытнее и опаснее станут его желания и его аппетит» [1. С. 171].

* * *

Но так ли безнадежен человеческий труд? Есть основания полагать, что негативные социальные последствия автоматизации производства и роботизации — это симптомы болезни современного капитализма. Сам по себе человеческий труд не теряет своей ценности. *Более того, потребность в человеческом труде только растет. И вовсе не технологии делают человека бесполезным, а само общество.*

Существование растущей социальной прослойки «лишних людей» обусловлено состоянием современных систем образования. Как отмечает М. Форд, «данные многочисленных опросов и исследований показывают, что многие студенты, проходящие сейчас обучение в американских колледжах, не обладают необходимым для этого уровнем подготовки и знаний, а в некоторых случаях просто не способны выполнять задания на уровне, который предполагает высшее образование. Значительная часть из них не сможет закончить обучение, но при этом будет вынуждена выплачивать свои неподъемные образовательные кредиты. Из тех, кто закончит учебу, по крайней мере половина не сможет найти работу, для выполнения которой требуется высшее образование, что бы там работодатели ни писали в своих объявлениях... Около 20% выпускников высших учебных заведений в США не используют в своей текущей работе полученные в годы студенчества знания, а их средний доход падает вот уже более десятилетия» [25. С. 333]. В США 99% насе-

ния старше 15 лет умеют читать и писать, но средний уровень научных знаний ниже, чем в других развитых странах [20].

Несмотря на новые методики, по сути образовательный процесс в школе или университете не менялся уже очень давно. В школе за 40—45 минут учитель должен успеть донести до в лучшем случае 25—30 человек некоторое знание, не забыв учесть индивидуальные особенности каждого. КПД школьного урока, разумеется, стремится к нулю, ибо с таким количеством людей и за такое время невозможно успеть наладить эффективный диалог. Более того, невозможно отслеживать успеваемость всех учеников одновременно, а они нередко пропускают занятия по самым разным причинам, а потому теряют из виду общую картину изучаемого предмета. Было бы приемлемо, если бы школьный учитель вел уроки у 2—3 классов, но нередко учитель должен успевать работать одновременно с 10—15, а то и с большим количеством коллективов. Российский учитель, как правило, работает на полторы-две ставки (27—36 часов в неделю). В США ситуация немного лучше — в среднем там учитель проводит 5 уроков в день и 25 в неделю. Подойти к образовательному процессу творчески, попытаться внедрить инновационные методы обучения при такой аудиторной нагрузке и при сопутствующей бюрократии невозможно.

Эффективное образование может быть обеспечено только *трусдам гораздо большего количества учителей в расчете на то же число обучающихся*. В классе должно быть не 20—30, а 10—15 человек (а то и меньше десяти). Учебная нагрузка учителя должна быть не 27—36, а 12—18 часов в неделю. Только тогда он сможет эффективно взаимодействовать с учениками, быть им настоящим наставником и другом, сопереживать и бороться за успех каждого. Таким образом, учителей должно быть в 2—2,5 раза больше. В США сегодня 3,5 млн учителей. В России — 1,36 млн [10]. Соответственно, *необходим труд еще как минимум 3,5—5,25 млн человек в США и 1,36—2,04 млн человек в России*.

Ошибочно думать, что учителей заменят роботы. Они смогут заменить только современного «массового» учителя, работа которого сводится к передаче информации. Тогда действительно нет разницы, поставить ли перед классом человека, который будет зачитывать пункты параграфа, или робота, который сделает то же самое эмулятором голоса. Современному же обществу необходим учитель как *наставник, психолог, друг, сопереживающий человек*, оказывающий всяческую поддержку ученикам на пути личностного становления. Здесь о роботизации не может идти и речи.

Похожая ситуация складывается в дошкольном и высшем образовании.

Личность ребенка формируется в первые годы его жизни. В России в 2017 г. по Санитарным правилам и нормам в детских садах для малышей до 3-х лет предпочтителен расчет 2,5 м² на человека, а для детей от 3-х лет — не менее 2 м². В группе детского сада должно быть 20—25 человек, хотя реальная наполняемость превышает норму в среднем на 41% [19].

Так, недавно в Курске родители устроили протестную акцию у детского сада, в одной из групп которого числилось 50 детей [5]. Сегодня около 450 тыс. детей в РФ нуждаются в детских садах [17]. Вряд ли в переполненных группах воспитатели успевают должным образом следить за детьми, не говоря уже о развивающих занятиях.

В любом случае и 25 детей — это тоже очень много. И не столько из-за того, что воспитателям сложно работать с таким количеством детей сразу. Куда более существенная проблема — инфекции, которые быстро распространяются в детских коллективах. Нередки случаи, когда ребенок больше времени болеет, нежели посещает детский сад. В результате родители вынуждены часто брать больничный, а это уже имеет негативные экономические последствия. В США ситуация еще хуже, ибо бесплатные детские сады там редкость и предоставляются только семьям с низкими доходами (для трех человек таковыми считаются 19 790 долларов в год). Частные детские сады в США, конечно, в гораздо лучшем состоянии, но и плата за них немаленькая. Средняя стоимость частного сада для детей от шести месяцев до трех лет — около 1000 долларов в месяц [8], причем еду, подгузники и прочие детские принадлежности родители обычно должны приносить сами. Думается, в малообещающем для большей части населения США (и многих других стран) будущем тех, кто способен отдать своего ребенка в платный детский сад, будет становиться все меньше.

В «Мире полудня», фантастическом цикле А. и Б. Стругацких, описывается светлое (хотя и не идеальное) коммунистическое будущее, в котором принята так называемая Высокая теория воспитания (например, роман «Полдень, XXII век» [23]). По данной теории, воспитанием детей должны заниматься профессионалы, а не родители, которые слишком сильно любят своих детей. С года ребенок проводит большую часть времени в интернате (хотя родители могут в любое время посещать его). На одного учителя приходится, как правило, от трех до пяти, но не больше семи детей. Учитель (воспитатель) своей главной обязанностью должен считать выявление и развитие талантов каждого. Стругацкие показывают, насколько важной может быть общественная роль учителя, если это настоящий учитель, важнейшая фигура, от которой зависит судьба и раскрытие талантов ученика. Такого учителя никогда не сможет заменить машина. И сегодня приходится признать, что нам еще очень далеко до подобной системы. И даже если представить, что для улучшения ситуации в дошкольном образовании нужно сократить размеры групп хотя бы до 12—13 детей, *то обществу потребуется вдвое больше воспитателей и нянь.*

Высшее образование на Западе также, за редкими исключениями, далеко от идеала, не говоря уже о России, где ситуацию иначе как катастрофической не назовешь. Как отмечает И. М. Бусыгина, «в современном мире идет товаризация образования: множество дипломов и сертификатов — не более чем рыночный товар. Однако российская проблема еще глубже: предлагаемый на образовательном рынке товар — плохого

качества, иными словами, большинство дипломов российских вузов *заведомо неконкурентоспособны*. Оттого «в России сегодня пик безработицы *среди имеющих высшее образование* приходится на... 20—24 лет, при этом каждый четвертый (23%) в возрасте до 29 лет имеет диплом вуза» [3. С. 43].

И основная проблема не в том, что сегодня в России слишком много вузов. Для успешного развития нужно, чтобы 40—60% взрослого населения имело высшее образование, а ученые должны составлять 2—5% от него [12. С. 352]. По результатам переписи 2010 г. в России высшее образование имеют только 23% населения (среди людей старше 14 лет), а еще 5% — неоконченное высшее [24]. Также в России насчитывалось 596 тыс. кандидатов наук и 124 тыс. докторов, но людей, непосредственно занятых исследованиями, гораздо меньше. Так, в 2000 г. среди научных работников насчитывалось только 22 тыс. докторов наук и 84 тыс. кандидатов наук [21]. Это гораздо меньше, чем 2—5% от общей численности населения. Таким образом, наблюдается не избыток, а дефицит ученых и людей с качественным высшим образованием.

Низкое качество образования в России связано с тем, что преподаватели в вузах, ввиду очень большой аудиторной нагрузки (порядка 900 часов в год), обычно выдают научный продукт очень низкого качества. Иными словами, они не являются учеными, ибо времени на науку у них нет. Вместо науки наблюдается ее *имитация*: «для галочки» многие публикуют сотни псевдонаучных статей в так называемых мусорных журналах, «накручивая» индекс Хирша и даже получая за это надбавку к зарплате. А высшее образование сегодня предполагает включенность преподавателя в науку, его творческий потенциал и способность вовлечь в исследовательский процесс своих студентов и аспирантов. Стоит учесть и долю преподавателей с фальшивыми диссертациями. Как отмечают представители сообщества «Диссернет», из 14,5 тыс. проверенных на антиплагиат кандидатских и докторских работ по истории «свыше 1,5 тысячи оказались вопиющей липой. Уровень заимствования в них превышал 70 процентов(!). Диссертации, в которых некорректное цитирование составляло меньше 70 процентов, решили не считать плагиатом, объясняя это тем, что автор мог брать фрагменты из своей прежней диссертации или из работ научного руководителя» [14].

В идеале аудиторная нагрузка вузовского преподавателя не должна превышать 300 часов в год. Тогда он мог бы успевать заниматься наукой и хорошо готовиться к лекциям. Это означает, что в стране должно быть в три раза больше преподавателей. Если же учесть, что специалистов в России с действительно качественным высшим образованием должно быть не 23%, а 40—60, то речь идет о существенной нехватке вузовских преподавателей. Сегодня в России преподавательский состав государственных вузов включает 265 тыс. человек, из которых 153 тыс. человек — кандидаты и доктора наук. В негосударственных вузах занято более 42 тыс. преподавателей [22]. В идеале же преподавателей-ученых должно быть 1,8—2 млн человек.

Таким образом, не лишним был бы труд по крайней мере еще 5—6 млн человек в России (сопоставимые цифры можно получить и для других стран). И такой труд невозможно автоматизировать.

Речь идет о взаимообусловленных явлениях: работоспособная система образования должна вырашивать не «лишних людей», легко заменяемых роботами, но только во всех смыслах развитых личностей, готовых всю жизнь учиться, самосовершенствоваться, стремиться к чему-то.

Разумеется, речь идет о реальности, которая не совместима с современным капитализмом. Такое по силам лишь *социалистическому государству*, которое не боится отпугнуть инвесторов своей налоговой политикой. Только такое государство может быть во всех смыслах *самодостаточным*, не зависимым от капризов глобального рынка. Драйвером экономического роста для него должно быть производство *общественных*, а не частных благ. Именно от системы образования зависит, насколько богатым во всех смыслах будет общество. *Знание* сегодня определяет качество жизни человека. Соответственно перед обществом, которое ставит в приоритет *человека, личность*, не может стоять проблема в духе «откуда взять деньги на зарплаты бюджетникам». Оно попросту создает богатство, генерируя знания, опирается на субъектность, преодолевшую товарный фетишизм. Конечно, это не означает, что идея безусловного дохода, о которой говорилось выше, сама по себе плоха. Она плоха применительно к современному капитализму. Нет ничего плохого в том, чтобы люди были обеспечены минимальным набором материальных благ. Но не совсем правильно бросать их на произвол судьбы, отстраняться. Социалистическое государство — отнюдь не обязательно всеобщая бюрократия и всеобщий работодатель. Оно может объединять усилия, формировать знания, умения и навыки, но не указывать при этом, как жить.

Данный социализм не является неизбежностью. Скорее это один из возможных вариантов будущего. Люди сами должны решить, что для них важнее: минимальный комфорт, возможность жить относительно беззаботно, хоть и с риском стать «лишними» и «никому не нужными» (а это возможно и при капитализме), либо развитие, относительное равенство, личностная самореализация.

Пока же ясно одно: вовсе не наука и техника делают человека бесполезным («лишним», легко заменяемым роботами и т. п.); бесполезным делает человека общество.

Литература

1. **Арендт Х.** Vita Activa, или О деятельной жизни. М. : Алетея, 2000.
2. **Бостром Н.** Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016.
3. **Бусыгина И. М.** Прекариат: новый вызов для современных обществ и его концептуализация (Размышления над книгой Г. Стэндинга) // Общественные науки и современность. 2016. № 3.

4. В ближайшие годы технологии приведут к сокращению 30% сотрудников UBS. — <https://hightech.fm/2017/10/04/ceo-sergio-ermotti> (дата обращения: 22.10.2017).
5. В детских садах Курска зачислят по 50 детей в группу. — <http://sekunda.media/stati/1003-v-detskikh-sadakh-kurska-zachislyayut-po-50-chelovek-v-gruppu> (дата обращения: 22.10.2017).
6. В октябре Adidas начнет продажу кроссовок, сшитых роботами. — <https://hightech.fm/2017/10/06/adidas-speedfactory> (дата обращения: 22.10.2017).
7. **Давыдов Д. А.** Безусловный доход: от «левых» ожиданий к «правому» воплощению // Свободная Мысль. 2016. № 2.
8. Как устроены детские сады в Америке. — <http://www.forumdaily.com/kak-ustroeny-detskie-sady-v-amerike/> (дата обращения: 22.10.2017).
9. **Мартьянов В. С.** Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // Социологические исследования. 2017. № 5.
10. Математический коллапс и антиреформа образования. — <http://m.echo.msk.ru/blogs/detail.php?ID=1586118> (дата обращения: 22.10.2017).
11. Наушники Google автоматически переводят с 40 языков. — <https://hightech.fm/2017/10/05/googles-new-earbuds> (дата обращения: 22.10.2017).
12. **Оделов Ю. Г., Руденко Г. Г.** Экономика труда : учебник. М. : Волтерс Клувер, 2011.
13. ОЭСР: В России самая низкая в Европе производительность труда. — <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/08/10/604195-oesr-nizkaya-proizvoditelnost> (дата обращения: 22.10.2017).
14. Прогресс готовит столько мук фальшивым докторам наук! — https://www.dissernet.org/publications/kp_progress.htm (дата обращения: 22.10.2017).
15. Робота-микрохирурга впервые использовали в операции на человеке. — <https://hightech.fm/2017/10/03/robot-micro> (дата обращения: 22.10.2017).
16. Роботы автоматизируют приготовление еды. — <https://hightech.fm/2017/10/09/robot-food> (дата обращения: 22.10.2017).
17. Свыше 450 тысяч детей в РФ нуждаются в детских садах. — <http://tass.ru/obschestvo/3848223> (дата обращения: 22.10.2017).
18. **Сидорина Т. Ю.** Труд: его кризис и будущее в контексте трендов мирового цивилизационного развития // Общественные науки и современность. 2016. № 3.
19. Сколько детей должно быть в одной группе детского сада по закону 2017 года. — <http://molsemja.ru/soveti/skolko-detej-dolzhno-byt-v-odnoj-gruppe-detskogo-sada-po-zakonu-2015-goda.html> (дата обращения: 22.10.2017).
20. Споры о реформе системы школьного образования в США. — <https://www.svoboda.org/a/24457620.html> (дата обращения: 22.10.2017).
21. Статистика научных кадров в РФ. — <http://www.strana-oz.ru/2002/7/statistika-nauchnyh-kadrov-v-rf> (дата обращения: 22.10.2017).
22. Статистика российского образования. — <http://stat.edu.ru/stat/vis.shtml> (дата обращения: 22.10.2017).
23. **Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.** Полдень, XXII век. М. : АСТ, 2017.
24. 3 графика, опровергающие миф, что в России много людей с высшим образованием. — https://republic.ru/russia/6_grafikov_kotorye_oprovergayut_mif_o_tom_chno_v_rossii_mnogo_lyudey_s_vysshim_obrazovaniem-808854.xhtml (дата обращения: 22.10.2017).
25. **Форд М.** Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М. : Альпина нон-фикшн, 2016.
26. **Шевчук А. В.** О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. 2007. № 3.

27. 60% всех бизнес-процессов будет автоматизировано к 2022 году. — https://hightech.fm/2017/10/06/automation_2022 (дата обращения: 22.10.2017).

28. **Brynjolfsson E., McAfee A.** The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. N. Y. : W. W. Norton & Company, 2016.

29. **Rifkin J.** The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. N. Y. : Putnam Publishing Group, 1995.

30. The Meaning of Life in a World Without Work. — <https://www.theguardian.com/technology/2017/may/08/virtual-reality-religion-robots-sapiens-book> (дата обращения: 22.10.2017).

31. The Neoliberal Danger of Basic Income. — <http://socialistproject.ca/bullet/1494.php#continue> (дата обращения: 22.10.2017).

32. UBS: «Роботакси снизят стоимость проезда на 80%». — https://hightech.fm/2017/10/02/ubs_robotaxi_prognosis (дата обращения: 22.10.2017). ◆